

ВПЕРЕДИ СОБСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Соб. Рубеж. 1987 - 28 октября - С. 6

Я ДУМАЮ, что именно так можно обозначить местоположение отдельных лиц в нынешнем процессе ускорения. Конечно же, перестраиваемся еще не так быстро, как хотелось бы. Еще сильна инерция мышления, дают на сознание привычные стереотипы. Добавьте к этому скепсис одних, неразворотливость других, реальные трудности третьих... Все так. И эта медлительность особенно отчетливо видна на фоне тех позитивных процессов, что набирают силу, скорость. Но на этом же фоне видно и другое.

Название этому — излишняя спешка, желание выдать процесс за результат, стремление сказать о чем-то раньше всех, сделать что-то скорее других. Что сказать? Как сделать? Это уже другой вопрос. Главное — вырваться в авангард борьбы. Приведу несколько примеров.

ТЕЛЕВИЗИОННАЯ передача «Мир и молодежь». Рассказ о сложной судьбе картин художника К. Васильева. Журналисты молодежной редакции взволнованно перечисляют города, где созданы клубы Васильева, называют номер счета, на который можно перевести средства для строительства народной галереи художника. А вот один из участников передачи с гневом рассказывает о работнике Министерства культуры, посмеявшем в своем ответе телевидению заметить, что творчество Васильева нуждается в более взыскательных оценках. Тут же работника министерства «побили» ссылкой на Ленина, напомнили, что искусство принадлежит народу...

Я не считаю себя знатоком живописи, но еще меньше мне понятно другое. К чему такие телестрасти? Если есть энтузиасты, готовые помочь сохра-

нить работы именно художника Васильева, разве нельзя решать эти вопросы спокойно и по-деловому? Трижды за неделю показывался этот сюжет. На следующей неделе, в новой передаче — опять призыв спасти картины. Теряешься в догадках, зачем такой ажиотаж? Ну а если существует менее восторженная точка зрения на творчество художника, то почему бы не познакомиться с ней телезрителей?

Понимаю, что знакомить зрителей с различными точками зрения — слишком просто. Куда завлекательнее разговор о непризнании, куда интереснее подать тему в ореоле запретности. Да и разве не легко молодым журналистам выступить от имени широких народных масс?

Апеллировать к массовому вкусу всегда удобно. Но достаточно вспомнить, какие фильмы выбиваются порой в чемпионы проката, побеждают на массовых зрительских конкурсах, и возникнет сомнение — не все в искусстве и в восприятии искусства поверяется арифметикой, суммой мнений.

Впрочем, о кино в этих заметках отдельный сюжет. И он тоже связан со стремлением некоторых авторов быть на передовых рубежах.

КИНОСТУДИЯ имени Довженко выпустила на всеобщий экран фильм «Воспоминание», посвященный Владимиру Высоцкому. Не будем задаваться риторическим, на мой взгляд, вопросом — почему именно эта студия и эти авторы. Право на разработку темы есть, наверное, у каждого. Однако рядом с правом стоит и обязанность.

Конечно, могут быть и существуют разные уровни осмысления творчества Высоцкого, его духовного, эсте-

тического феномена. Нас может раздражать панибратский тон иных воспоминаний тех, кто был «с поэтом на ты». Но это в конце концов дело совети мемуаристов. Время наверняка отсеет строки тех, кто, вспоминая о Высоцком, писал больше о себе, кто просто спешил подать свой голос: «И я! И я его знал!» Уйдут и гимнические посвящения поэту. Вроде той, под Высоцкого песенки, в которой вдруг слышишь: «Я за того, чья жизнь всегда короче...»

Сложнее с другими, с теми, кто берется за осмысление творчества поэта, за целостный анализ его жизни, работы, его Личности.

Посмотрев фильм «Воспоминание», поставленный режиссером В. Савельевым, я представил себе две ситуации.

Первая. В Госкино приходит талантливый кинорежиссер и предлагает заявку на серьезный фильм о Высоцком. Думаю, что «Воспоминание» значительно снижает шансы тех, кто мог бы подойти к этой теме с большей ответственностью. Теперь ведь можно будет услышать и отказ, сформулированный с понятной нам логикой: «Картина о Высоцком уже есть. Она идет во всех кинотеатрах, записана на видеокассеты...».

Ситуация вторая. Я представил себе, что через несколько лет наши дети заинтересуются творчеством Высоцкого. Им встретится в качестве пособия эта картина. Что они смогут из нее узнать?

А узнают они следующее. Певица Елена Камбурова должна была записать на студии песню Высоцкого. Но вот не выходит у нее песня, что-то не клеится. Ассистенты сочувствуют. Певица в творческих исканиях бродит по Москве, слушает записи песен поэта. И все хочет понять — почему,

ну почему у нее песня не выходит, как у автора.

Надо ли это объяснять — почему? Оказывается, надо. В финале певица, которую многие из нас не только любят как прекрасную исполнительницу, но и уважают ее высокий эстетический вкус, вдруг пускается в банальнейшие рассуждения. Объясняет, почему ей не дано спеть так, как Высоцкий.

Авторы фильма тут же возразят, что не этот сюжетный ход главный. Цель была иной — рассказать художественную, духовную биографию поэта, связав ее с биографией страны.

И действительно, такая попытка делается. Кадры военной и послевоенной хроники, Москва пятидесятых — шестидесятых годов — такой видеоряд сопровождает песни Высоцкого. Вот возникают кадры из фильма «Мне двадцать лет» М. Хуциева, вот известный клоун Леонид Енгибаров — это уже, надо полагать, из другого фильма. Вот кадры с самим Высоцким, сцены из спектаклей с его участием. Но почему авторы решили, что из этого небезынтересного коллажа можно составить биографию такого сложного художника, как Высоцкий? Разве не возможны здесь серьезные раздумья о личности, о таланте в определенных исторических обстоятельствах, как это блестяще показано, скажем, у Д. Гранина в его «Зубре»? Да нет же и намека на серьезный разговор.

Не хочу впадать в долгие рассуждения, какой фильм можно было бы сделать и почему он необходим. Замечу лишь, что «Воспоминание» демонстрирует нам типичную попытку «впечатать в струю», быстренько сказать свое слово о том, что на слуху у всех.

Прикоснуться к теме первым, застолбить, что называется.

ЕСЛИ серьезному человеку задать вопрос: какая причинно-следственная связь между пьянством, наркоманией, преступностью с одной стороны и углубленным изучением английского языка с другой, он попросту растеряется. А вот есть коллеги-журналисты, настаивающие на том, что связь самая прямая. И посему, мол, специализированные школы надо извести. От полиглотов все зло — так они мыслят сегодня.

Абсурд какой-то. Вместо того, чтобы во всех школах учить языкам не хуже, чем в специализированных, мы покусамся на саму идею серьезной подготовки.

Сегодня такой глашатай перестройки сочтет, что все социальные недуги поселились в школах, где усиленно изучают иностранный язык. Завтра средоточием зла для него могут стать компьютерные классы (их ведь пока тоже не столь уж много). И тогда что же, мы вернемся к механическим арифмометрам?

Любое новшество на первых порах доступно не всем. Оно будет привилегией, пока не станет достоянием всех. И есть только два пути борьбы с привилегиями. Либо дело загубить сразу, либо распространить его на всех. Последнее, разумеется, труднее. Может быть, нужны не спецшколы, а факультативные классы в каждой обычной школе, конкурсы в них? Разумеется, конкурсы не родителей — детей.

Что будет спорить, что вальмовый начальник, устраивающий свое чадо по звонку — в консерваторию ли, в спецшколу ли, совершает безнравственный поступок. Но разве из-за подобных фактов надо закрывать консервато-

рию? Или сделать ее привилегией одного микрорайона? Проекционизм — страшное зло. От него наше общество несет большие потери — нравственные, экономические, интеллектуальные. Но проекционизм — это совсем иная тема, требующая серьезной разработки, а не просто призывов к социальной справедливости. Серьезного подхода, впрочем, требуют и пьянство, и наркомания среди молодежи. Когда же причиной таких явлений называются школы с углубленным изучением какого-либо предмета, то это, по меньшей мере, несерьезно.

Но слово брошено! И вот уже идет активное обсуждение: как в той же Москве сократить в таких школах преподавание иностранного, а то и вовсе расформировать их. Причем — не медля. Ведь перестройка идет, надо что-то ломать. Разве это не типичный пример упрощенного подхода к социальным проблемам, к образованию, к воспитанию детей?

МОЖНО приводить и другие подобные примеры чересчур скоропалительного отношения к перестройке в сфере духовной культуры. В большинстве своем — это своеобразная реакция на прежние запреты, на появившуюся вдруг возможность высказывать свое мнение, проявлять инициативу. Но чем дальше будет развиваться демократия, тем с большей социальной ответственностью мы должны относиться к своим словам и поступкам. Ведь никакая демократия не освобождает от необходимости думать, углубленно постигать суть явлений — как художественных, так и социальных.

И только поняв эту суть — браться за дело.

Ю. СОЛОМОНОВ.